

Джеффри Евгенидис

Средний пол

Jeffrey Eugenides

Middlesex

Джеффри Евгенидис
Средний пол

Перевод с английского
Марии Ланиной

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
Е14

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Евгенидис, Джеффри
Е14 Средний пол : роман / ДЖЕФФРИ ЕВГЕНИДИС ; пер. с англ.
М. ЛАНИНОЙ — Москва : АСТ: CORPUS, 2013. — 656 с.

ISBN 978-5-17-080249-4

“Средний пол” — мировой бестселлер американского классика Джеффри Евгенидиса, дебютный роман которого — “Девственницы-самоубийцы” (1993), также ставший бестселлером, переведен на полтора десятка языков и экранизирован Софией Коппола. В тонком, чувственном и трогательном романе-эпопее “Средний пол” (Пулитцеровская премия, 2003) искренне и откровенно — от первого лица — рассказана история жизни гермафродита. В греческой семье воспитывается девочка, которая в подростковом возрасте... становится юношей. Герою книги приходится пережить много непонятных и неприятных ему вещей. Причиной необычного строения его организма становится кровосмешение близких родственников. С истории их любви он сам и начинает вести рассказ. В книге прослеживается судьба нескольких поколений греческих иммигрантов на фоне исторических и социальных коллизий XX века.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-080249-4

- © 2002 by Jeffrey Eugenides
- © М. Ланина, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ

Серебряная ложечка	11
Сватовство	31
Нескромное предложение	57
Шелковый путь	86

КНИГА ВТОРАЯ

Плавильня английской школы Генри Форда	105
Минотавр	139
Фригидный брак	165
Обманология	192
Серенада на кларнете	211
Всемирные новости	232
Ex ovo omnia	250

КНИГА ТРЕТЬЯ

Домашнее кино	269
Оп-па!	290
Мидлсекс	313

Средиземноморская диета	337
Росомаха	362
Восковая лирика	383
Смутный Объект	398
Влюбленный Тиресий	425
Плоть и кровь	450
Ружье на стене	470

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Пророческая вульва	499
Самоосознание по Вебстеру	528
Езжай на запад, парень	548
Половая дисфория в Сан-Франциско	571
Гермафродит	594
Полет	617
Последняя остановка	635

*Спасительнице
с совершенно иным
генофондом*

КНИГА ПЕРВАЯ

Серебряная ложечка

У меня два дня рождения: сначала я появился на свет как младенец женского пола в поразительно ясный январский день 1960 года в Детройте, а потом в августе 1974-го в виде мальчика подросткового возраста в палате “Скорой помощи” в Питоски, штат Мичиган. Просвещенный читатель мог узнать обо мне из статьи доктора Питера Люса “Половая идентификация у псевдогермафродитов с синдромом дефицита 5-альфа-редуктазы”, которая была опубликована в 1975 году в журнале “Детская эндокринология”. Или вы могли видеть мою фотографию в шестнадцатой главе ныне безнадежно устаревшего издания “Генетика и наследственность”. Это я с черной наклейкой на глазах голым у ростомера на странице пятьсот семьдесят восемь.

В свидетельстве о рождении я записан как Каллиопа Елена Стефанидис. А в моих водительских правах, полученных в Федеративной Республике Германии, мое имя сокращено до “Калл”. В прошлом хоккейный голкипер, постоянный член Фонда по спасению ламантинов, я время от времени посещаю православные церкви и большую часть своей сознательной жизни провел на службе в Государственном департаменте Соединенных Штатов. Подобно Тиресию я был одним существом, а потом стал другим. Надо мной потешались одноклассники, врачи обращались со мной как с подопытной морской

свинкой, меня прошупывали и изучали специалисты. В меня влюбилась рыжеволосая девчонка из Гросс-Пойнта, не догадываясь, кто я на самом деле. (И ее брат тоже влюбился.) Однажды я участвовал в городском побоище на военном танке; плавание в бассейне сделало из меня легенду; я покидал собственное тело, чтобы погрузиться в другое, но все это происходило до того, как мне исполнилось шестнадцать.

А сейчас, когда мне сорок один, я чувствую, что мне предстоит еще одно рождение. Десятилетиями меня не интересовали семейные корни, и вдруг я начал задумываться об усопших двоюродных бабушках и дедушках, неведомых кузинах и прочей седьмой воде на киселе, хотя, когда речь идет о таком кровосмесительном семействе, как мое, все сливается воедино. Поэтому, пока еще не поздно, я хочу во всем разобраться — с этим геном, несущимся сквозь время по американским горам. Воспой, о Муза, рецессивную мутацию моей пятой хромосомы! Поведай о том, как она расцвела два с половиной века тому назад на склонах Олимпа, где пасутся козы и падают с ветвей оливы. Поведай, как она прошла сквозь девять поколений и незаметно обосновалась в мутной заводи семейства Стефанидисов. Расскажи, как Провидение, воспользовавшись резней, перенесло этот ген, как семечко, над океаном, в Америку, где он скитался омываемый кислотными дождями, пока не попал в плодородное чрево моей матери.

Прошу прощения, порой во мне просыпается Гомер. Это тоже генетическое.

Как-то за три месяца до моего рождения после одного из изысканных воскресных обедов моя бабка Дездемона Стефанидис попросила моего брата принести ее шкатулку. Пункт Одиннадцать как раз шел на кухню за добавкой рисового пудинга, когда она преградила ему путь. В свои пятьдесят семь — низенькая, плотно сбитая, с устрашающей сеточкой на волосах — бабушка словно специально была создана для того, чтобы

не давать людям прохода. На кухне у нее за спиной смеялись и перешептывались собравшиеся женщины. Заинтригованный Пункт Одиннадцать наклонился посмотреть, что там происходит, но Дездемона протянула руку и властно ущипнула его за щеку. Завладев его вниманием, она изобразила в воздухе прямоугольник и указала наверх, после чего прошамкала своими плохо подогнанными протезами: “Сходи туда, куколка”.

Пункт Одиннадцать знал, что надо делать. Он бросился по коридору в гостиную, поднялся на четвереньках по лестнице на второй этаж, пробежал мимо спален и добрался до почти незаметной двери, оклеенной обоями, словно за ней скрывался потайной ход. На уровне своей головы Пункт Одиннадцать нащупал крохотную ручку и, надавив изо всех сил, открыл дверь. За ней была еще одна лестница. Довольно долго мой брат нерешительно всматривался в темноту, потом очень медленно начал подниматься на чердак, где жили бабушка с дедушкой. Он прошел в тапочках под двенадцатью оклеенными газетами птичьими клетками, подвешенными к стропилам, и с отважным видом погрузился в затхлый смрад попугаев, перемешанный с неповторимым запахом деда и бабки, являвшим собой смесь нафталина с гашишем. Он миновал письменный стол деда, заваленный книгами и пластинками, уперся в кожаную оттоманку с круглым кофейным столиком из латуни около нее — и наконец обнаружил кровать, под которой стояла шкатулка.

Немногим больше обувной коробки, шкатулка была вырезана из оливы и закрывалась оловянной крышкой с мелкими дырочками, украшало крышку изображение неизвестного святого. Лицо святого стерлось, зато пальцы его правой руки были воздеты, словно он благословлял багряное, самоуверенного вида тутовое дерево. Насладившись созерцанием этого ботанического экземпляра, Пункт Одиннадцать вытащил шкатулку из-под кровати и открыл ее. Внутри лежали два свадебных венца, сплетенных из морского каната и перевившихся, как змеи, и две длинные косы, обвязанные рассыпающимися черными

лентами. Пункт Одиннадцать ткнул косу указательным пальцем. Но как раз в этот момент закричал один из попугаев — мой брат подскочил, закрыл шкатулку, сунул под мышку и понес вниз Дездемоне.

Она по-прежнему стояла в дверном проеме. Взяла у него шкатулку и вернулась на кухню; и тут Пункт Одиннадцать рассмотрел присутствовавших там женщин, которые теперь молчали. Они посторонились, пропуская Дездемону, так что посередине кухни осталась только моя мать. Тесси Стефанидис сидела, откинувшись на спинку кресла, придавленная своим огромным, туго натянутым беременным животом. На ее раскрасневшемся лице было написано выражение счастливой беспомощности. Дездемона поставила шкатулку на стол и сняла крышку. Покопавшись под свадебными венцами и косами, она достала серебряную ложечку, не замеченную Пунктом Одиннадцать, и привязала к ее черенку тесемку. Наклонилась и начала раскачивать ложку над раздутым животом мамы. Ну, заодно и надо мной.

До этого момента Дездемона славилась своими неслыханными результатами — двадцать три верных прогноза. Она знала, что Тесси будет Тесси. Она предсказала пол моего брата и моих четырех классически названных кузенов и кузины — Сократа, Платона, Аристотеля и Клеопатры. Но дети, пол которых она отказывалась определять, были ее собственные: считалось дурной приметой проникать в тайны своего чрева. Зато чрево моей матери она исследовала абсолютно бесстрашно. Ложка помедлила и начала раскачиваться с севера на юг — это означало, что я буду мальчиком.

Сидя на стуле расставив ноги, мама попыталась улыбнуться. Она не хотела мальчика. У нее уже был сын. К тому же она была настолько уверена в рождении дочери, что уже выбрала ей имя — Каллиопа. Но когда бабушка изрекла по-гречески “Мальчик!”, ее крик пронесся по коридору и долетел до гостиной, где мужчины спорили о политике. И моя мать, услышав его, многократно повторенное, стала сомневаться.

Однако когда этот крик достиг слуха моего отца, он вошел в кухню и сообщил своей матери, что на этот раз ее ложечка ошибается.

— А ты откуда знаешь? — осведомилась Дездемона.

На что он ответил так, как это сделало бы большинство его сверстников-американцев:

— Это научный факт, мама.

Как только Мильтон с Тесси решили завести еще одного ребенка — столовая процветала, а Пункт Одиннадцать давно уже вырос из пеленок, — они сразу договорились, что хотят иметь дочь. Пункту Одиннадцать только что исполнилось пять. Найдя во дворе мертвую птицу, он принес ее в дом, чтобы показать маме. Ему нравилось стрелять, стучать, колотить, разбивать и драться с отцом. В таком мужском окружении Тесси начала чувствовать себя лишней, и ей стало казаться, что лет через десять она превратится в заложницу автомобильных покрышек и грыж. Поэтому она мечтала о дочери как о противоядии, о единомышленнице, которая будет любить левреток и сопровождать ее в походах по магазинам. Весной 1959 года, когда обсуждение моего зачатия шло полным ходом, мать не могла еще себе представить, что в скором времени женщины будут тысячами сжигать свои бюстгалтеры. Ее лифчики были жесткими, подбитыми подушечками и огнезащитными. И как бы Тесси ни любила своего сына, она понимала, что некоторыми тайнами она сможет делиться только с дочерью.

По утрам, отправляясь на работу, мой отец грезил о невероятно прелестной темноглазой девчужке. Она сидела рядом и обращалась к нему, всезнающему и терпеливому, с целым ворохом вопросов — особенно когда машина останавливалась на красный свет. “А что это такое, папа?” — “Это? Это знак ‘кадиллака’”. — “А что такое знак ‘кадиллака’?” — “Давным-давно жил один французский исследователь, которого звали Кадиллак, именно он открыл Детройт. А этот знак был

его фамильной печатью из Франции”. — “А что такое Франция?” — “А Франция — это страна в Европе”. — “А что такое Европа?” — “А Европа — это континент, такой огромный кусок суши, гораздо больше, чем страна. Но теперь ‘кадиллаки’ в Европе не делают, кукла. Их изготавливают прямо здесь, в старой доброй Америке”. На светофоре загорается зеленый свет, и машина трогается. Но мой прототип никуда не исчезает. Он продолжает сидеть рядом и у следующего светофора, и еще через один. Его общество столь приятно моему отцу, что он, как человек дела, начинает думать о превращении своих грез в реальность.

Таким образом, в гостиной, где мужчины обсуждали политические вопросы, появилась новая тема, а именно — скорость движения сперматозоидов. Главным в обществе, каждую неделю собиравшемся на наших черных козетках, был Питер Татакис, или, как мы его называли, дядя Пит. Закоренный холостяк, он не имел своей семьи в Америке и поэтому привязался к нам. Каждое воскресенье этот высокий грустный человек с лицом красновато-лилового оттенка и копной вьющихся волос приезжал на своем темно-красном “бьюике”. Дети его не интересовали. Любитель серии “Великие книги”, которую он перечел дважды, дядя Пит был поглощен серьезными мыслями и итальянской оперой. В области исторической науки он испытывал страстную любовь к Эдварду Гиббону, в литературе — к дневникам мадам де Сталь. Он любил цитировать мнение этой остроумной дамы о немецком языке: этот язык не приспособлен для устной речи, так как приходится дожидаться конца предложения, чтобы услышать глагол, и перебить собеседника не представляется возможным. Дядя Пит мечтал стать врачом, но разразившаяся “катастрофа” положила конец этой мечте. В Соединенных Штатах он два года проучился в школе хиропрактики и теперь имел небольшой офис в Бирмингеме, где поставил скелет человека, за который выплачивал ежемесячные взносы. В те времена специалисты в этой области пользовались довольно со-

мнительной репутацией, и к дяде Питу редко обращались с просьбой пробудить кундалини. Он вправлял шейные позвонки, выпрямлял позвоночник и изготавливал на заказ реберные дуги из пенопласта. И, тем не менее, из всей компании, собиравшейся у нас по воскресеньям, он имел самое близкое отношение к медицине. Еще в юности ему удалили половину желудка, и теперь после обеда он всегда пил пепси-колу для улучшения пищеварения. Как он мудро заявлял, этот безалкогольный напиток получил свое название от пищеварительного фермента пепсина, который полностью соответствовал потребностям его организма.

Именно эти сведения и заставили моего отца полностью довериться дяде Питу, когда речь зашла о схемах зачатия. Откинувшись на подушку и сняв ботинки, дядя Пит под нежные звуки “Мадам Баттерфляй”, лившиеся из родительского стереопроектора, объяснил, что, как видно под микроскопом, сперматозоиды с мужскими хромосомами движутся гораздо быстрее, чем с женскими. Это утверждение сразу же вызвало взрыв веселья среди владельцев ресторанов и скорняков, собравшихся в нашей гостиной. Однако мой отец принял свою излюбленную позу “Мыслителя”, миниатюрная копия которого стояла на телефонном столике в противоположном конце комнаты. И хотя этот вопрос обсуждался в свободной манере послеобеденного отдыха, все понимали, несмотря на абстрактную тональность дискуссии, что речь идет о сперматозоидах моего отца. Дядя Пит поставил точки над *i*, объяснив, что если супружеская пара хочет родить девочку, то “сексуальный контакт должен произойти за двадцать четыре часа до овуляции”. Тогда “мужские” сперматозоиды успеют погибнуть, а медлительные, но более живучие “женские” в нужный момент достигнут своей цели.

Отцу не без труда удалось уговорить мою мать последовать этой схеме. Тесси Зизмо была девственницей, когда в свои

двадцать два года выходила замуж за Мильтона Стефанидиса. Их обручение, совпавшее с началом Второй мировой войны, было абсолютно целомудренным. Моя мать гордилась тем, что ей удалось разжечь и тут же пригасить пламя страсти, поддерживая тлеющий огонь на протяжении всего глобального катаклизма. В общем-то это не составляло особого труда, так как она жила в Детройте, а Мильтон учился в Военно-морской академии в Аннаполисе. Больше года Тесси ставила свечи в греческой церкви за здоровье своего жениха, а Мильтон любовался ее фотографиями, прикрепленными над его койкой. Ему нравилось фотографировать Тесси как кинозвезду — сбоку, одна нога на высоком каблуке стоит на ступеньке так, чтобы была видна другая, обтянутая черным чулком. Моя мать выглядит поразительно податливой на этих старых снимках, словно ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем позировать на фоне крылец и фонарных столбов своему жениху в армейской форме.

Она уступила лишь после капитуляции японцев. И с того самого дня, как мне по секрету сообщил брат, мои родители регулярно и с удовольствием занимались любовью. Однако относительно детей у моей матери были свои соображения. Она считала, что эмбрион ощущает то количество любви, с которым он был зачат. Поэтому предложение отца ее не слишком устраивало.

— Ты что, относишься к этому как к Олимпийским играм, Милт?

— Мы просто рассматривали этот вопрос с теоретической точки зрения, — сказал отец.

— Что дядя Пит может знать о детях?

— Он читал одну статью в “Американской науке”, — ответил Мильтон и для убедительности добавил: — Он подписывается на этот журнал.

— Знаешь, если у меня заболит спина, я к нему обращусь. Или если у меня разовьется плоскостопие, как у тебя, я тоже схожу к нему. Но не более.

— Это было доказано. С помощью микроскопа. “Мужские” сперматозоиды двигаются быстрее.

— Думаю, они не только быстрее, но и глупее.

— Ну началось. Тебе бы только их обругать. Ни в чем себе не отказывай. Они нам все равно не нужны. Нам нужен добрый старый медленный “женский” сперматозоид.

— Все равно это смешно. Я же не часовой механизм, Милт.

— Мне это будет сложнее, чем тебе.

— Ничего не желаю слышать.

— А мне казалось, что ты хочешь дочь.

— Хочу.

— Значит, так мы ее и получим.

Тесси только со смехом отмахнулась. Однако за ее сарказмом таились серьезные нравственные сомнения. Вмешательство в столь таинственный процесс, как рождение ребенка, представлялось ей непозволительным высокомерием. К тому же Тесси не верила, что это возможно. А если и возможно, то, считала она, делать этого не следует.

Конечно рассказчик вроде меня — ведь я еще и зачат-то не был, — не может ни за что ручаться. Я могу объяснить эту манию, появившуюся у моего отца весной 1959 года, лишь как один из симптомов общей веры в прогресс, которой тогда было охвачено все население Америки. Всего два года назад в космос запустили спутник. Полиомиелит, обрекавший в детстве моих родителей на летние заточения, был побежден с помощью вакцины Солка. Никто тогда еще не догадывался, что вирусы окажутся умнее людей, и все считали, что скоро они станут достоянием прошлого. В эту оптимистическую, послевоенную эпоху Америки, конец которой я захватил, каждый считал себя хозяином собственной судьбы, и не было ничего удивительного, что мой отец хотел быть именно таким. Через несколько дней после того как Мильтон поделился своим планом с Тесси, он вер-

нулся домой с подарком. Это была ювелирная коробочка, перевязанная лентой.

— Это для чего? — с подозрением осведомилась Тесси.

— Что значит “для чего”?

— Сегодня не день моего рождения. И не годовщина свадьбы. Так с чего бы тебе вдруг делать мне подарок?

— А что, для этого нужны какие-то особые причины? Ну, давай. Открывай.

Тесси, глядя с недоверием, закусила губу. Но устоять перед ювелирной коробочкой, когда держишь ее в руках, довольно трудно. В конце концов она развязала ленту и открыла.

На черном бархате лежал термометр.

— Термометр, — промолвила моя мать.

— Это не простой термометр, — пояснил Мильтон. — Мне пришлось обойти три аптеки, прежде чем я нашел то, что нужно.

— Какая-то особенно дорогая модель?

— Да, — ответил Мильтон. — Это базальный термометр: он измеряет температуру с точностью до одной десятой градуса. — Он наморщил лоб. — У обычных термометров точность одна пятая градуса. А этот ловит каждую десятую. Попробуй. Возьми его в рот.

— У меня нет температуры, — сказала Тесси.

— Дело не в температуре. Им пользуются для того, чтобы определить базальную температуру. Он гораздо точнее обычного градусника.

— В следующий раз подари мне ожерелье.

Но Мильтон не уступал.

— Тесс, температура твоего тела постоянно меняется. Может, ты и не замечаешь, но это так. Ты находишься в постоянном движении. Ну вот, например, — легкое покашливание — у тебя происходит овуляция. И тогда твоя температура повышается. Обычно на шесть десятых градуса. Таким образом, если мы хотим прибегнуть к системе, о которой мы недавно говорили, — все более распаяясь, продолжал отец, не обращая вни-

мание на то, что мама хмурится, — тебе сначала надо будет определить свою базальную температуру. Совершенно не обязательно, что она будет составлять тридцать семь градусов. У всех есть небольшие различия. Это я тоже узнал у дяди Пита. Как бы там ни было, установив свою базальную температуру, дальше ты начинаешь следить, когда она поднимется на шесть десятых градуса. И именно в этот момент, если мы хотим все это проверить, ну, ты понимаешь, тогда мы идем и смешиваем свой коктейль.

Моя мать ничего не ответила. Она положила термометр обратно в футляр, закрыла его и вернула мужу.

— Ладно, — сказал он. — Хорошо. Поступай, как знаешь. И у нас будет еще один мальчик. Номер два. Если хочешь, пусть будет так.

— Пока я не уверена, что у нас вообще кто-нибудь будет, — ответила моя мать.

А я тем временем дожидался своего часа в прихожей жизни. И ни единого проблеска в отцовских глазах — он сидит и мрачно смотрит на термометр. Мама поднимается с козетки и, прижав ладонь ко лбу, направляется к лестнице, что делает вероятность моего появления на свет все более сомнительной. Отец обходит дом, выключает свет и запирает двери. Но когда он поднимается наверх, для меня снова начинает брезжить надежда. Время идеально подходит для того, чтобы сделать меня таким, каков я есть. Еще час — и набор генов будет уже иным. Мое зачатие еще впереди, и, тем не менее, мои родители уже приступили к своему медленному проникновению друг в друга. В верхнем коридоре горит ночник в форме Акрополя, подаренный Джеки Халас, которая владеет сувенирной лавкой. Когда отец входит в спальню, мама сидит за туалетным столиком. Двумя пальцами она накладывает на лицо ночной крем и промакивает его салфеткой. Стоит моему отцу сказать ласковое слово, и она простит его.

И тогда в эту ночь мог бы быть зачат не я, а кто-нибудь другой. Бессчетное количество возможных личностей толпится на пороге, и среди них я, и ни у кого нет гарантированного входного билета. Медленно ползет время, и планеты с обычной скоростью вершат свой путь в небесах, и меняется погода, ибо моя мать, боящаяся гроз, наверняка прильнула бы к отцу, пойди в эту ночь дождь. Но нет, небо всю ночь упорно было чистым, соперничая в упрямстве с моими родителями. Свет в спальне погас, и каждый улегся на свою сторону кровати. “Спокойной ночи”, — произнесла мама. “Увидимся утром”, — ответил отец. И все, что предшествовало моему зачатию, встает на свои места, словно в соответствии с каким-то заранее разработанным планом. Возможно, именно потому я так часто думаю об этом.

В следующее воскресенье моя мать повела Дездемону и брата в церковь. Отец никогда не ходил с ними — в восемь лет он стал вероотступником из-за непомерных цен на поминальные свечи. А дед предпочитал по утрам заниматься переводом на новогреческий “восстановленных” поэм Сапфо. Несмотря на повторявшиеся инсульты, он семь лет провел за письменным столом, соединяя легендарные фрагменты в единое мозаичное полотно, добавляя строфу там, коду здесь, скрепляя их анапестами и ямбами. А по вечерам дед слушал бордельную музыку и курил свой кальян.

В 1959 году греческая православная церковь Успения располагалась на Шарлевуа. Именно там почти через год меня крестили, и там я был обращен в православную веру. Священники, которых присылали в эту церковь из Константинопольской патриархии, сменялись довольно часто: они прибывали облеченные властью, в нарядных одеяниях, соответствовавших их сану, но проходило время — как правило, полгода — и они начинали уставать от постоянных ссор между прихожанами, нападок и критики в свой адрес и необходимости усмирять ве-

рующих, которые вели себя в церкви как болельщики на стадионе, а главное — от того, что каждый раз приходилось служить дважды: сначала на греческом, а вслед за этим на английском. Так шла жизнь в церкви Успения, с ее одухотворенными кофепитиями, с протекающей крышей и прогнившим фундаментом, с жалкими национальными празднествами и уроками катехизиса, которые поддерживали еле теплившееся в нас православное наследие, обреченное на гибель в великой диаспоре. Тесси со своими спутниками прошла по центральному проходу, минуя подносы с песком для свечей. Наверху, как огромный поплавок на параде в честь Дня благодарения, парил Христос Вседержитель. Вырезанный на куполе, он охватывал все пространство. И в отличие от страждущих и земных Иисусов, изображенных на стенах, этот был совершенным и всемогущим властителем жизни нездешней. Он простирал руки к апостолам над алтарем, которые держали свитки из овечьих шкур с записанными на них Евангелиями. И моя мать, всю жизнь безуспешно пытавшаяся в него поверить, подняла глаза в надежде на помощь.

Глаза Вседержителя блеснули в тусклом свете. Они словно притягивали к себе Тесси. Сквозь поднимавшиеся вверх воскресения глаза Спасителя сияли как телеэкраны, транслирующие события недавнего прошлого...

Сначала Тесси увидела Дездемону, которая неделю назад наставляла ее. “Зачем тебе еще дети, Тесси? — осведомилась она с деланным равнодушием и заглянула в духовку, чтобы скрыть свою обеспокоенность, для которой не было никаких оснований в течение последующих шестнадцати лет. — Чем больше детей, тем больше неприятностей...”

Затем появился наш престарелый семейный врач доктор Филобозян. Его вердикт, подкрепленный древними дипломами, был таков: “Ерунда. ‘Мужские’ сперматозоиды двигаются быстрее? Послушайте! Первым человеком, который увидел сперматозоид под микроскопом, был Левенгук. И вы знаете, кого они ему напомнили? Червяков!..”

Тут снова появилась Дездемона, уже с новым взглядом на вещи: “Господь решит, кто это будет, а не вы...”

И на протяжении бесконечной воскресной службы все эти сцены мелькали перед внутренним взором моей матери. Прихожане вставали и садились. Отец Майк выходил из-за алтаря и размахивал кадиллом. Моя мать пыталась молиться, но у нее ничего не получалось, и она еле-еле дождалась кофе.

С двенадцатилетнего возраста Тесси не могла начать день по меньшей мере без двух чашек крепкого, черного как смоль кофе, к которому пристрастилась, общаясь с капитанами старых буксиров и франтоватыми холостяками, обитавшими в пансионе, где она выросла. Уже став старшеклассницей, она устраивалась рядом с шоферней в столовке, чтобы успеть выпить кофе до начала первого урока. И пока те рассматривали ее цветущие формы, она заканчивала домашнее задание. И теперь, выйдя из церкви, Тесси попросила Пункт Одиннадцать пойти поиграть с ребятами, пока сама она не подкрепится чашечкой кофе.

Она приступила уже ко второй чашке, когда нежный женственный голос прошептал ей на ухо: “Доброе утро, Тесси”. То был ее свояк отец Майкл Антониу.

— Привет, отец Майк. Сегодня была прекрасная служба, — ответила Тесси и тут же пожалела о сказанном. Отец Майк был дьяконом. После отъезда последнего священника, вернувшегося в Афины спустя три месяца, вся семья возлагала большие надежды на повышение отца Майка. Однако в результате место получил еще один пришлый священник, отец Григориос. По этому поводу тетя Зоя, никогда не упускавшая случая оплакать свое замужество, заявила за обедом театральным тоном: “Вечно на подхвате”.

Похвалив службу, Тесси совершенно не хотела сделать этим комплимент отцу Грегу. Ситуация осложнялась еще и тем, что много лет назад Тесси и Майкл Антониу были помолвлены и собирались пожениться. А теперь она была замужем за Мильтоном, а отец Майк женился на его сестре. Тес-

си спустилась всего лишь выпить кофе, а день уже пошел наперекосяк.

Однако отец Майк, похоже, не обратил на ее слова ни малейшего внимания. Он стоял и, нежно улыбаясь, смотрел на Тесси. Будучи доброжелательным и мягким человеком, отец Майк пользовался особой любовью у местных вдов. Они постоянно толпились вокруг него, угощая домашним печеньем и купаясь в ауре его благодати. Частично эта благодать происходила из его полной удовлетворенности своим ростом, который составлял всего лишь пять футов четыре дюйма. Низкий рост придавал ему особенно милосердный вид, словно он намеренно не хотел расти. Казалось, он давно забыл о том, что Тесси расторгла их помолвку, и все же между ними всегда что-то витало, как тальк, пробивавшийся иногда из-под его клерикального воротничка.

— Как дела дома, Тесси? — улыбаясь, спросил отец Майк, осторожно поддерживая блюдечко и чашечку с кофе.

Естественно, моя мать знала, что отец Майк, наш постоянный воскресный гость, был в курсе истории с термометром. И когда она посмотрела ему прямо в глаза, ей показалось, что в них промелькнула легкая насмешка.

— Ты же будешь у нас сегодня, — беззаботно ответила она. — Вот сам всё и увидишь.

— Жду с нетерпением, — заметил отец Майк. — Мы всегда ведем такие интересные разговоры в вашем доме.

Тесси снова посмотрела отцу Майку в глаза, но на этот раз они излучали искреннюю симпатию. А потом что-то отвлекло ее.

В другом конце комнаты Пункт Одиннадцать залез на стул и попытался дотянуться до кофейника, чтобы налить себе кофе. Но, повернув краник, он никак не мог его закрыть. Обжигающий кофе полился на стол, обрызгав стоявшую рядом девочку. Та отскочила, открыла рот, но не произнесла ни звука. Моя мать бросилась к девочке и потащила ее в дамскую комнату.

Никто не мог вспомнить, как ее зовут, поскольку девочка не была постоянной прихожанкой. Даже не была гречанкой. Ее видели в церкви только в этот день, и, кажется, она никогда больше там не появлялась, словно единственной целью ее было изменить ход мыслей моей матери. Девочка стояла в ванной, стягивая с тела мокрую одежду, от которой шел пар, а Тесси непрерывно смачивала полотенца.

— С тобой все в порядке, милая? Ты не очень обожглась?

— Этот мальчик, он такой неуклюжий, — промолвила девочка.

— Да уж. Вечно куда-то лезет.

— Мальчики бывают такими своевольными.

Тесси улыбнулась:

— Какие слова ты знаешь!

От этой похвалы девочка расплылась в улыбке.

— “Своевольный” — это мое любимое слово. У меня брат очень своевольный. А в прошлом месяце моим любимым словом было “велеречивый”. Но его не удастся часто использовать. Мало что можно назвать велеречивым.

— Ты абсолютно права, — рассмеялась Тесси. — А со своеволием сталкиваешься повсюду.

— Совершенно с вами согласна, — кивнула девочка.

Прошло две недели. Наступило пасхальное воскресенье 1959 года. Наша религиозная приверженность к юлианскому календарю снова разделила нас с соседями. За две недели до этого мой брат наблюдал, как все дети нашего квартала охотились за крашеными яйцами в близлежащих кустах, как его друзья поедали головы шоколадных зайцев и забрасывали пригоршни железных бобов в свои кариозные пасточки. (И глядя на это из окна, он больше всего хотел верить в американского бога, который умер тогда, когда надо.) Пункт Одиннадцать только накануне начал красить яйца, да и то в один цвет — красный. Остальные яйца в доме уже поблескивали во все удлинявшихся лучах весеннего равноденствия. Миски с яйцами заполнили

весь обеденный стол. Яйца висели в вязаных мешочках в дверных проемах, громоздились на каминной полке, их запекали в чуреки в форме креста.

Но сейчас обед уже закончился, день клонится к вечеру. Мой брат улыбается, потому что теперь наступает та часть греческой Пасхи, которая не может сравниться ни с охотой за яйцами, ни с желейными бобами, — начинается соревнование на самое крепкое яйцо. Все собираются вокруг стола. Закусив губу, Пункт Одиннадцать выбирает себе яйцо, осматривает его и кладет на место. Берет следующее.

— Кажется, это ничего, — замечает Мильтон, тоже выбирая яйцо. — Настоящая броневой машина.

Пункт Одиннадцать готовится к нападению. И в этот момент моя мать неожиданно похлопывает отца по спине.

— Минуточку, Тесси. Мы здесь собираемся сразиться.

Она похлопывает его сильнее.

— Что?

— Температура. — Она умолкает. — Повысилась на шесть десятых.

Она начала-таки пользоваться термометром. Отец ошеломлен.

— Сейчас? — шепотом спрашивает он. — Господи, Тесси, ты уверена?

— Ты велел мне следить за температурой, и я говорю тебе, что она повысилась на шесть десятых градуса. К тому же прошло уже тринадцать дней с того времени, как ты... сам знаешь что, — добавляет она, понизив голос.

— Ну давай, папа, — канючит Пункт Одиннадцать.

— У меня нет времени, — отвечает Мильтон и кладет свое яйцо в пепельницу. — Это мое яйцо, и не смейте трогать его, пока я не вернусь.

И мои родители совершают все необходимое наверху в своей спальне. Природная детская скромность мешает мне представить себе эту сцену во всех подробностях. Разве что одна деталь: когда все закончено, мой отец произно-

сит: “Ну вот, теперь должно получиться”. И он оказался прав. В мае Тесси узнала о том, что забеременела, и началось долгое ожидание.

В шесть недель у меня уже были глаза и уши. В семь — ноздри и губы. В то же время начали формироваться мои половые органы. Эмбриональные гормоны, подчиняясь хромосомным сигналам, начали подавлять структуры Мюллера и способствовать развитию каналов Вольфа. Мои двадцать три пары хромосом соединяются и скручиваются, вращаясь как колесо рулетки, в то время как папочка кладет свою руку на мамин живот и произносит: “На счастье!” Выстроившись ровными рядами, мои гены в точности выполняют полученные распоряжения. Все, за исключением пары отщепенцев — или революционеров, в зависимости от того, как вы на это смотрите, — которые скрываются в хромосоме под номером пять. Вместе взявшись за дело, они истребляют фермент, препятствующий выработке определенного гормона, и тем самым сильно усложняют мне жизнь.

Мужчины в гостиной перестают говорить о политике и вместо этого делают ставки на то, кто родится у Милта — мальчик или девочка. Мой отец абсолютно уверен. Через двадцать четыре часа после соития температура у мамы повышается еще на две десятых, подтверждая овуляцию. К этому времени “мужские” сперматозоиды уже измождены. А “женские”, как черепахи, выигрывают забег. (В этот момент Тесси вручает Милтону термометр и заявляет, что больше никогда не хочет его видеть.)

Все это предшествовало тому дню, когда Дездемона вращала ложечку над животом моей матери. Ультразвук еще не открыли, поэтому приходилось использовать кухонную утварь. Дездемона садится на корточки. Кухня погружается в гробовую тишину. Женщины смотрят и ждут, закусив губу. Сначала ложка вообще не движется. Рука у Дездемоны

дрожит, и у тети Лины уходит несколько секунд на то, чтобы привести ложку в равновесие. Затем ложка начинает вращаться, я брыкаюсь, мама вскрикивает. И вот, словно от невидимого ветерка ложка начинает раскачиваться, описывать круги, которые постепенно превращаются в эллипс, а затем продолжает свое движение по прямой линии, один конец которой указывает на печь, а другой — на скамейку. Другими словами — с севера на юг.

— Корос! — выкрикивает Дездемона. И вся кухня заполняется криками: “Корос! Корос!”

— Могу поспорить, что она ошиблась, — произносит ночью отец. — Двадцать три безошибочных прогноза — это слишком много. Поверь мне.

— Я совсем не против мальчика, — отвечает мама. — Главное, чтобы оно было здоровым, с десятью пальчиками на ручках и на ножках.

— Что значит “оно”?! Между прочим, ты говоришь о моей дочери.

Я родился через неделю после Нового года, 8 января 1960 года. “Ура!” — вскричал мой отец, ожидавший в приемном отделении и запасшийся сигарами исключительно с розовыми ленточками. Я оказался девочкой. Длинной девятнадцать дюймов. И весом семь фунтов четыре унции.

В тот же день, 8 января, с моим дедом случился первый из его тринадцати инсультов. Разбуженный моими родителями, спешившими в больницу, он встал и спустился вниз, чтобы приготовить себе кофе. А часом позже Дездемона обнаружила его лежащим на полу кухни. И хотя его умственные способности не пострадали, в тот самый момент, когда я издал свой первый крик в родильном отделении, мой дед лишился дара речи. По словам Дездемоны, удар случился с ним в ту минуту, когда, допив кофе, он перевернул чашку, чтобы погадать на кофейной гуще.

Дядя Пит, узнав про мой пол, отказался принимать какие-либо поздравления. Все это было научно обоснованным. “К тому же это исключительно заслуга Милта”, — пошутил он. Дездемона насупилась. Ее американский сын оказался прав, и это новое поражение еще больше отдаляло от нее страну, в которой она по-прежнему пыталась жить и от которой было по-прежнему четыре тысячи миль и тридцать пять лет. Мое появление на свет положило конец гаданиям моей бабки и ознаменовало начало длительного периода увядания ее мужа. И хотя в руках у нее то и дело появлялась шкатулка, серебряная ложечка уже более не оказывалась среди сокровищ.

Меня изъяли из чрева, хлопнули по попке и ополоснули, после чего завернули в одеяльце и положили на каталку рядом с шестью другими младенцами — четырьмя мальчиками и двумя девочками, пол которых, в отличие от меня, был определен на бирках правильно. И хотя этого не может быть, я отлично помню, как темное пространство медленно заполняется искрами.

Это кто-то включил мое зрение.